

М. А. Литовская, Ю. С. Некрасова
«НЕ УЗНАЛ БЫ ПРАДЕД ГОРОД СВОЙ»:
ОБРАЗ ЕКАТЕРИНБУРГА / СВЕРДЛОВСКА В ЛИТЕРАТУРЕ УРАЛА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-х гг.

doi: 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-97-104

УДК 82(470.5)“1940”

ББК 83.3(235.55)

В статье рассмотрен образ Екатеринбурга / Свердловска в послевоенной художественной литературе Урала 1940-х гг. В частности, проанализировано содержание литературно-художественного альманаха «Уральский современник» (1949), посвященного юбилею Свердловска, повести И. И. Ликстанова «Зелен камень» (1949), стихотворений Е. Е. Хоринской и др. Выделены характерные черты образа столицы Урала в литературе для взрослых и для детей. Отмечены изменения, произошедшие в изображении Свердловска, по сравнению с предшествующими периодами. При ограниченном перечне изображаемых городских локусов, постоянном упоминании в различных текстах одних и тех же ключевых фигур и событий городской истории в послевоенное время акцент переносится на изображение Екатеринбурга / Свердловска как города не только с богатой историей, но и с неоднородной, сложносоставной социокультурной средой. На основании проведенного литературоведческого анализа сделаны выводы, что, хотя в изображении Екатеринбурга / Свердловска сохранены сформированные ранее образы города-труженика, города-завода, центра экономической жизни горнозаводского региона, особое внимание авторы второй половины 1940-х гг. начинают уделять красоте городских ландшафтов, удобству городской жизни, динамике развития города. Действие в текстах выносится из квартир и заводских цехов на улицы, персонажи изображаются не только в ситуациях героических трудовых подвигов и повседневного выживания, но и в качестве обычных горожан, даже праздных фланеров, замечающих особенности места своего жительства. Сделан вывод, что столь существенное изменение образа Екатеринбурга / Свердловска связано, с одной стороны, с изменениями взгляда на предшествовавшие этапы истории города, с другой — со стремлением Свердловской писательской организации доказать свою самодостаточность.

Ключевые слова: *литература Урала, образ города в литературе, альманах «Уральский современник», П. П. Бажов, И. И. Ликстанов*

Город Екатеринбург стал полноценным героем литературы только во второй половине XIX в. Д. Н. Мамин-Сибиряк задает цельное обобщенное представление о Екатеринбурге как об уникальном, основанном в соответствии с государственным планом горнозаводском «живом узле», и оно конкурирует с чертами быта нелепого провинциального захолустья из газетных очерков, фельетонов, писем знатных путешественников. Неоднозначность в оценке и генерализации образа города переходит в советское время. Статус Екатеринбурга как места

народной мести и Свердловска как административного центра Уральской области — региона индустриализации — дополняет традицию позитивного описания города: в его прошлое вписывают тему пролетарского революционного движения, а в современность — тему ударного труда. Однако негативный образ города, перестраиваемого заново, также проникает в литературные тексты, журналистику, эпистолярный. В. Маяковский в нескольких стихотворениях 1928 г. — впечатлениях от краткого пребывания в Свердловске — попытался преодолеть это противоречие. Он поддерживает образ города — «работника и воина», воплощения материализованной «воли Урала, труда и энергии». Но Екатеринбург меняет прошлое, отказавшись от связи с «коронованной Катькой», его главный проспект обрывается «дырой, преисподней» очередной стройки. При этом в городе, у которого «нету “сегодня”, / а только “завтра” / и “вчера”» («Екатеринбург—Свердловск»), одному из рабочих дают квартиру с ванной («Рассказ литейщика

*Литовская Мария Аркадьевна — д.филол.н., г.н.с. Центра истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН; профессор, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: marialiter@gmail.com*

*Некрасова Юлия Сергеевна — старший преподаватель Подготовительного отделения для иностранных учащихся, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: yulia92229444@mail.ru*

Ивана Козырева о вселении в новую квартиру»). Эта ванная, собственно, и есть начало «завтра» для тех, кто, своим трудом обеспечивая жизнь страны, не имел доступа к удобствам повседневной жизни.

Разрыв между символически значительным и повседневным образом Свердловска в словесности 1930-х гг. только усиливается,¹ но началась война, когда, по наблюдениям Ю. В. Ключковой, важнейшей темой литературы Урала становится «превращение города мирного в город военный... отныне и до конца войны у него одна-единственная задача — поддержка фронта, это оправдание и цель его тыловой жизни».² Обобщающая характеристика Свердловска военного времени — «город-арсенал» (К. Мурзиди). Скучный быт перенаселенного эвакуированными тылового города в литературе военного времени практически не обсуждается. Свердловск играет в жизни героев сугубо функциональную роль вынужденного или постоянного места жительства.

После окончания войны ситуация меняется, и в нашей статье мы рассмотрим, как во второй половине 1940-х гг. на волне общественного подъема и одновременного ужесточения партийных требований к искусству литераторы пытаются сконструировать новый образ города как места жизни, а не народной мести или героического труда, преодолеть разрыв между символикой арсенала, заводского гиганта и описанием повседневной жизни горожан.

Свердловские авторы подошли к созданию нового образа своего города целенаправленно и коллективно. Своеобразным итогом их работы стали 14-й выпуск литературно-художественного альманаха «Уральский современник» (1949), полностью посвященного городской теме, и роман И. И. Ликстанова «Зелен камень», вышедший в том же году.³

Столь «кучное» создание текстов о Свердловске вызвано исторической датой, о которой на собрании парторганизации Свердловского отделения СП СССР 10 апреля 1947 г. напоминает П. П. Бажов: «Нам надо включиться в работу над историей Свердловска, которо-

му в 1948 г. исполняется 225 лет».⁴ Возникает идея сбора произведений разных жанров, посвященных Свердловску, а также выпуска тематического литературного альманаха. Юбилейный «Уральский современник» подписывают в печать 29 января 1949 г.⁵

Опыт создания книги о Свердловске у литераторов уже был: сборник «Свердловск» (1946)⁶ имел обширную «литературную» вторую часть. Однако перед литературным альманахом стояла еще одна, возможно, самая важная задача — он призван был продемонстрировать высокий уровень творческой работы Свердловской писательской организации, что было особенно актуально в контексте недавних постановлений ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства. Поэтому тексты «неуральцев», составившие почти половину сборника 1946 г., в альманахе не включили.⁷

В юбилейном альманахе представлены различные жанры, отражающие разнообразие возможностей свердловских писателей: повесть, рассказ, лирические и публицистические стихотворения, литературно-критические статьи, песни о Свердловске на стихи уральских поэтов-современников и даже краткий очерк о гастрольях уральского хора в Прибалтике. Проблемно-тематически выпуск организован так, чтобы представить Свердловск как город с богатой историей, выделить ключевые события в его «биографии». Во всех текстах скрыто или явно возникает тема положительной динамики развития Свердловска — редакторы альманаха учитывают опасные обвинения, совсем недавно прозвучавшие в адрес ленинградских писателей.⁸

Поздравление города с юбилеем заведомо предполагает положительную его характеристику. Во вступительном редакционном очерке

⁴ ЦДОСО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

⁵ В редакционную коллегию 14-го выпуска альманаха вошли: П. П. Бажов (ответственный редактор), А. Г. Богачев, К. Г. Мурзиди, Б. С. Рябинин (ответственный секретарь), Г. П. Шумилов. Объем 17 авторских листов, тираж 10 000 экземпляров.

⁶ См.: Свердловск. Свердловск, 1946.

⁷ Позднее в протоколе № 10 открытого партсобрания Свердловского отделения ССП от 31 октября 1949 г. в выступлениях Ю. Гетлинга и Ю. Хазановича будет высоко оценена «целестремленность» выпуска выделяющаяся на фоне предшествующих номеров, которые были «составлены из случайных материалов» (ЦДОСО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 2. Л. 96).

⁸ «Вот какой был Ленинград и каким он стал теперь: плохим, некультурным, грубым <...> Дурной, порочный, гнилой замысел у этой клеветнической пародии!» (Доклад тов. А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Сокращенная и обобщенная стенограмма двух докладов т. Жданова: на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде // Правда. 1946. 21 сент. С. 2.).

¹ См.: Пришвин М. М. Дневники: 1930–1931. СПб., 2006. С. 322–336; Поддубнова Ю. Б. Пастернак: Свердловский эпизод // Пролог: интернет журнал. URL: <http://www.ijp.ru/text/1344> (дата обращения: 08.12.2020).

² Ключкова Ю. В. Литературный образ Свердловска в произведениях военных лет // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2006. Вып. 1. С. 128–135.

³ См.: Ликстанов И. И. Зелен камень. М.; Л., 1949. В дальнейшем мы будем цитировать повесть по этому изданию с указанием в скобках страницы.

«Свердловску — 225 лет» его называют «особым» городом, специфика которого определяется через сверхзадачу создания: «С первых дней своего существования — это город-труженик. Он всегда работал для мирного и боевого снабжения страны, основная масса его жителей — трудовой люд».⁹ Характеристика «город-труженик» становится ведущей в альманахе: город изображается как успешно выполнивший предназначенный ему Петром I план: «...по его гениальному замыслу, новый город на Урале у Каменного пояса, среди нетронутых сказочных богатств должен был стать средоточием управления всей жизнью края, живым узлом его горнозаводской промышленности. И Петр могучей рукой своей связал этот узел» (УС, с. 4).

Краткий очерк истории Екатеринбурга в альманахе дополняет очерк Н. А. Поповой — тоже члена Свердловского отделения СП СССР «Город на Исети».¹⁰ Но если Попова ограничивается историей создания Екатеринбурга, то в альманахе к ней добавлены еще два ключевых события, которые будут упоминаться в большинстве текстов: руководство пролетариями города 20-летним «вдохновенным мастером революционной работы» Я. Свердловым и неизменное участие Екатеринбурга / Свердловска в обороне Родины.

Вступительный очерк является своего рода концептом, который раскрывается в отдельных текстах альманаха, по большей части сочетающих советскую идеологическую правоверность с ориентацией на локальную традицию восприятия места и его истории.

В песнях на слова К. Мурзиди, Н. Куштума, Е. Ружанского авторы используют проверенные символы Свердловска как «творца машин» и «славного арсенала» (К. Мурзиди), «арсенала народной победы» и «труженика верного» (Н. Куштум). Образ «гвардии труда» (УС, с. 139) встречается и в очерках,¹¹ и в стихах, но в раскрытии его на первый план выходит поднятая Бажовым в конце 1930-х гг. тема мастерства. Е. Ружанский называет Свердловск «городом отменных мастеров» (УС, с. 271). В стихотворении И. Лебензона «Уезжают друзья из Свердловска» лирический герой даже утверждает: «Повстречаю я свердловчанина /

И узнаю в нем земляка. / И приметы его не нужны мне — / Где работает, как зовут. / Я узнаю его не по имени — / По уральскому мастерству» (УС, с. 196).

Хотя революционное прошлое города обязательно должно присутствовать в юбилейном советском тексте (в альманахе за эту тему отвечают историко-революционный рассказ Б. Рябинина с типовым для текстов подобного рода названием «Это было в Екатеринбурге» и очерк И. Римских о музее Я. М. Свердлова — УС, с. 197–210), имена революционеров являются, скорее, еще одним знаком прошлого, так как именно «годы сталинских пятилеток неузнаваемо преобразили Свердловск» (УС, с. 6). В альманахе отмечается, что вся страна помогала Свердловску развиваться, и много раз изображается, как город, в свою очередь, отблагодарил всех в годы Великой Отечественной войны, не только отправляя солдат на фронт, но и поддерживая государство в тылу, став и «живым узлом, которым крепко-накрепко был связан фронт с уральским тылом» (УС, с. 8), и «гостеприимным домом» для многих тысяч людей (Е. Хоринская «Большой дом» — УС, с. 129).

Сосредоточившись на значимом вкладе Свердловска в общегосударственную жизнь, редакторы обходят значительный исторический факт, который эвфемистически определяется через обобщенный образ народной мести. Тем не менее в сборник включено стихотворение Н. Куштума «Площадь Народной Мести», построенное как объяснение названия одной из городских площадей, на которой стоит «особняк знаменитый, / Где последний Романов, / Как в капкане шакал, / Со своею / Придворной / Испуганной свитой / Занимал поневоле / Купецкий подвал», так как был «судом по заслугам сурово / осужден» и позже «казнен пролетарской рукой». Упоминание казни обрамлено описанием прекрасного вида города с площади и «песни счастья», которую «несет на губах детвора» (УС, с. 97, 98) из Дворца пионеров.

В соответствии с образом сказочных богатств Урала, упомянутых во вступлении, в альманахе много описаний природы, что выглядит неестественным в контексте изображения промышленного центра. Но горнозаводскому центру Урала была изначально предназначена роль поставщика природных богатств, которые гиперболизировано выведены в очерке К. Филипповой «Молодые мастера»: Екатеринбург — «богатый промышленный город, в котором

⁹ Свердловску — 225 лет // Уральский современник. 1949. № 14. С. 4. В дальнейшем мы будем цитировать альманах по этому изданию с указанием в скобках пометы УС и страницы — УС. С. 4.

¹⁰ См.: Попова Н. А. Город на Исети // Свердловск. С. 40–49.

¹¹ См.: А. Салынский. Лучший рабочий города // УС. С. 162–188.

золото буквально лежало на улицах» (УС, с. 155). Жизнь города связана с недрами края. Лучший музей города — геологический; лучшее училище — камнерезное; лучшие мастера, которыми славится город, — это «рудознатцы, камнерезы, “плавленные” и плотинные мастера, кузнецы, углежоги...» (УС, с. 4).

В альманахе многократно описываются немногочисленные красивые места города: Вознесенская горка, она же площадь Народной Мести, набережная городского пруда, недавно украшенная скульптурами спортсменов, центральные улицы, сквер у памятника Свердлову. Авторы неоднократно заявляют, что «для нас, свердловчан, / Нету города краше!» (УС, с. 19), хотя даже «певец Урала» Бажов выдвигает множество условий, при соблюдении которых один из лучших видов старого Екатеринбурга можно считать красивым местом: «...он с этой точки в красках осенних садов и наших уральских закатов, необыкновенно красив» (УС, с. 92, 93). Поэтому в первую очередь воспевается красота рукотворного городского ландшафта. Авторы текстов описывают не сами заводы, но уют заводских районов: Химмаша, Уралмаша, ВИЗа.¹² Рассказывая о развитии столицы Урала, авторы подчеркивают, что вектор развития нового города — превращение в город «для людей». Даже отмеченные А. Нейштадтом недостатки городского хозяйства должны сделать «Свердловск... еще лучше и краше»: «Весь замощенный и освещенный Свердловск, с широкими улицами, покрытыми зеленью, станет одним из красивейших городов нашей страны» (УС, с. 248).

Тексты альманаха при всей пафосной образности некоторых из них особенно сосредоточены на изображении незаметных извне особенностей городской жизни. Неслучайно во вводной статье появляется образ «екатеринбургской грани» — камнерезного приема, который, будучи непонятен неспециалисту, создает особое преломление света в камне.¹³ Тема локального значимого проявляется и в постоянном упоминании местных топонимов, и в перечислении имен уральских мастеров и воинов, и в характеристиках уральских писателей, и в рассказе о таком малозначимом, казалось бы, явлении, как закладка заводского коллективного сада.

Тон в развитии этой важнейшей для всего альманаха темы задает текст П. П. Бажова «Наш город»,¹⁴ рассказывающий о приезде в Екатеринбург на учебу мальчика из «завода». Читатель наблюдает за жизнью города с точки зрения ребенка, не обремененного заботами,¹⁵ который неторопливо гуляет, разглядывая витрины, а взрослый повествователь с удовольствием вспоминает его впечатления, например о витринах магазинов меха или часов. Автор изображает дореволюционный уклад с симпатией, он хочет удивить человека 1940-х гг. экзотическими его чертами, но в то же время подчеркивает, что Екатеринбург — это всего лишь прошлое Свердловска. Поэтому он поясняет и старинную топографию города — «ближе к Сибирскому проспекту (ныне улица Куйбышева)» (УС, с. 33) — и непонятные приметы ушедшего быта. Дореволюционный уклад города восстанавливается в деталях, а поскольку образ Егорши, как догадывается читатель, автобиографичен, отдельные эпизоды текста воспринимаются как этнографические зарисовки.

Обязательные для советской повести эпизоды классового взросления мальчика занимают в тексте немного места, а соответствующая информация о классовом расслоении сообщается через комментарии повествователя. Краткий эпизод приезда повзрослевшего героя в Екатеринбург 1923 г. является, по сути, конспективным описанием «первых младенческих шагов хозяина нового города» (УС, с. 95). Заключительный фрагмент, посвященный современности, занимает всего полторы страницы и сводится к перечислению видимых изменений в организации пространства Свердловска. Финальная фраза «Нашего города»¹⁶ хоть и может быть оправдана тем, что в альманахе опубликован лишь фрагмент незавершенной

¹² См.: Владимиров Ю. Сады Уралмаша // УС. С. 130–151; Ружанский Е. Из цикла «Стихи о нашем городе» // УС. С. 189–194.

¹³ «Екатеринбургская грань» охарактеризована как результат «высокого искусства, чистоты, изумительной тонкости работы» (УС, с. 4).

¹⁴ «Наш город» уже был опубликован в сборнике «Свердловск» (1946), но с пометой «из воспоминаний». В альманахе он значится частью повести «Егоршин случай», которая так и не будет написана, превратившись в повесть «Дальнее — близкое». Публикацию одних и тех же текстов в разных редакциях П. П. Бажов практиковал неоднократно. В случае «юбилейного» альманаха, скорее всего, в составе не хватало текста «большого» жанра, но относительно небольшого объема.

¹⁵ «В моем распоряжении было ежедневно три часа для прогулки по городу, и мне это долго не надоедало. Интересовало буквально все, начиная с вывесок на домах»; «Все эти наблюдения над удивительной жизнью города занимали ежедневно часа два, и в Верх-Исетск обычно приходил в пятом часу» (УС, с. 43, 52).

¹⁶ «Огромная организаторская сила, которую показал Свердловск в годы Отечественной войны, дает уверенность, что теперь, когда труд в значительной степени освободился от тягот военного времени, строительство и дальнейший рост города пойдет еще более быстрыми темпами» (УС, с. 96).

книги, выглядит заведомо заказной, прикрывающей композиционную несоразмерность текста, воссоздающего ушедшую натуру уникального («Другого такого по всей нашей земле нет» — УС, с. 17) города.

Заданная во вводном очерке и намеченная П. Бажовым тема связи времен через преобразования городской среды поддерживается практически во всех текстах альманаха. Цикл К. Мурзиди «Весенний Свердловск» связан прозрачной символикой города, оживающего после войны, где все поколения жителей объединены общей радостью тепла и солнечного света. Е. Хоринская в цикле «Мой город» изображает Свердловск как воплощение «города мечты»,¹⁷ постоянно меняющегося: «Не узнал бы прадед город свой, / Покачал бы прадед головой. / Впрочем, что там прадед или дед, — / Если ты здесь не был двадцать лет, / И нежданно попадешь опять — / И тебе свой город не узнать» (УС, с. 126–128).

Образные обобщения художественных текстов подтверждаются «целевым» подбором фактов в очерках Б. Крупаткина «Перелистываемая страницы» и А. Нейштадта «Город сталинских пятилеток», где авторы прямо сравнивают дореволюционное и современное состояние города. Главная идея очерка Крупаткина по материалам дореволюционных городских фельетонов сводится к одному предложению: «Проходили годы за годами, и мало что изменилось в старом Екатеринбурге» (УС, с. 212), — тогда как за 30 лет советской власти город изменился неузнаваемо. Экономист А. Нейштадт проверяет цифрами официальные расхожие формулировки того времени: «Екатеринбург — это город темноты», «Свердловск — город науки, искусства и техники», и т. п. (УС, с. 234–249).

Даже в очерке К. Боголюбова «Мамин-Сибиряк как историк города Екатеринбурга» косвенно сравниваются современность и «мрачная картина военно-горного режима» (УС, с. 227). Автор позволяет себе предположить радость классика при виде современного города: «Мечта писателя сбылась: Свердловск сделался сердцем неистощимых сокровищ сталинского Урала, центром научной мысли, лабораторией новых форм творческого созидательного труда во славу нашей советской Родины» (УС, с. 233).

Для людей конца 1940-х гг. скрытая за формулами развития города реальность была

предметом гордости. Обсуждение одних и тех же тем, закрепление символических обозначений города дополнялись прямо выраженными признаниями в преданности ему. Б. Дижур в стихотворении «Свердловск» объясняется в любви к своему «старинному городу», «чудесному в любую пору»: «И город свой оставляя, / Я помню каждый булыжник, / Заснеженные аллеи, / В пурге Верх-Исетский пруд. / И по ночам вспоминаю / Бодрость прогулок лыжных, / В прохладных залах музея / Осколки солнечных руд» (УС, с. 124).

Новые тенденции в изображении Свердловска как предмета гордости и любви, места прогулок и неспешных размышлений развивает И. И. Ликстанов в приключенческой повести «Зелен камень» (1949). История напряженной борьбы молодого геолога Павла Петровича, который становится обладателем тайны месторождения уникального камня уралита, с наследником бывшего владельца шахты с говорящей фамилией Прайс¹⁸ разворачивается в основном в горнозаводских поселках. Но центром действия в развитии сюжета оказывается город Горнозаводск, за описаниями которого легко угадывается Свердловск.

Роман начинается с того, что «девушка и молодой человек вышли из здания Горного института — старинного кирпичного здания, казавшегося особенно массивным, строгим в этот солнечный вечер, и пересекли улицу. Институт, Геологический музей, Уральское геологическое управление остались позади» (с. 5). В дальнейшем в повести будет приведено немало актуальных городских названий и пространственных привязок: улица Хохрякова, площадь 1905 года, район Мельковка и стадион «Динамо» рядом с ним, плотина и городской пруд с элеватором на берегу и т. п.

В узнаваемом Свердловске рядом с большими, богато украшенными зданиями, например, центрального почтамта, зал которого облицован «красным тагильским мрамором», сохранились и «резные домишки», и небольшие старые городские усадьбы, и уникальные тротуары из гранитных плит. В городе продолжают работать старинные заводы и сохраняются такие же старые заводские районы. «Сердцевина поселка осталась такой же, какой была в далекие времена, когда заводские

¹⁷ Блажес В. Поэтическая публицистика Елены Хоринской // Урал. 2009. № 1. С. 235.

¹⁸ Второй план повести, в которой иносказательно передан фрагмент творческой биографии П. П. Бажова, использованы форма и сюжеты бажовских сказов, заслуживает отдельного рассмотрения.

станы катали знаменитый нержавеющий королевский лист, ценившийся на вес золота колонистами Северной Америки. Деревянные дома почетно почернели от заводского дыма, дворы сохранили многое от крепкой сибирской стройки, улицы самими своими названиями славили металлургов и металлистов: листо-катальщиков, плавильщиков, модельщиков, литейщиков, токарей. Эти названия в старый поселок принесла революция, и мало кто помнил, что раньше это были улицы горькой нищеты» (с. 186). Характер района Мельковка, в прошлом места жительства нечистых на руку «паучков мельковских» (с. 18), скупщиков «хитного камня, ворованного сырого золота и фальшивой монеты» (с. 194), наоборот, изменился кардинально. В конце 1940-х гг. это «почти безлюдная улица... малопроезжая, с узкой полоской булыжной мостовой... Фамилии домовладельцев были обозначены на жестянках, прибитых под козырьками калиток» (с. 22).

Жители Горнозаводска расположены видеть связь времен в городской повседневности, определять смысл его существования, соединяя свои живые наблюдения с чужими, в том числе «газетными» характеристиками. Повествователь, передавая чувства главного героя «в зоркий час расставания» с городом, констатирует: «В этот день Павел особенно остро чувствовал то, что составляет душу основного уральского горного гнезда, содержание его жизни, главный смысл его существования — труд, невероятно разнообразный и неизменно напряженный» (с. 19, 20). Главный герой вспоминает недавнюю войну, когда «Горнозаводск... устроил, обжил и развернул сотни предприятий, переведенных с запада в глубокий тыл. Город как бы превратился в заводской двор; в зрительных залах клубов шумели станки, на газонах лежали заготовки... Главное заводское шоссе напоминало прифронтовую дорогу: ... пробегали танки со свежими ожогами электросварки на бортах. Город был озабочен и грозен: уральцы помогали фронтовикам бить врага насмерть» (с. 20). Наступил мир, но «мирные дни принесли не затишье, а новый подъем энергии» (с. 20): город «строил и монтировал доменное оборудование, экскаваторы, моторы, химическую аппаратуру, штамповал пластмассу, бросал в степи Казахстана тяжелые буровые станки, гранил самоцветы, катал трансформаторное железо, навивал бобины электропровода, полировал медицинский инструмент» (с. 20).

Конфликт, лежащий в основе приключенческой фабулы повести, идет из дореволюционного прошлого, но советский Урал и его административный центр живут настоящим и будущим. Ликстанов изображает благополучную жизнь послевоенного города, жизнь которого возобновила мирное течение, прерванное войной: по городу ходят трамваи, работают почтамт, магазины, рестораны, «объявления театров и кино, длинные списки рабочих квалификаций, необходимых заводам, афиши о приеме студентов в институты и техникумы наклеены на рекламные щиты» (с. 185).

Изменение послевоенной городской среды связано с тем, что «с мирным временем пришла забота и о самом городе», и о его жителях: «Асфальт ложился на старый булыжник, вдоль улиц поднимались чугунные фонариканделябры, на окраинах строились кварталы новых домов, сменявших обветшавшие бараки» (с. 21). Строительство никому не мешает жить, но делает жизнь более удобной: мягко шуршат машины по асфальту, стоят на улицах телефоны-автоматы, люди получают хорошие квартиры в «новом квартале».

Жители города в повести не только трудятся, они позволяют себе замедлять шаг, наблюдая сценки городской жизни: «Павел улыбнулся, увидев пятитонную машину, высоко нагруженную детскими двухколесными велосипедами: завод детских велосипедов в военное время давал военное снаряжение» (с. 21). Они прогуливаются и любят городскими видами: «...только в сквере у Дворца пионеров молодые люди, оторвавшись от своих мыслей, почувствовали красоту вечера. Отсюда, с самой высокой точки Горнозаводска, был виден весь город. На фоне пылающего неба рисовались уже затуманенные силуэты привокзальных мельниц и элеваторов. На западе дымы металлургического завода казались черными, на севере чешуйками золотого панциря блестели стекла в корпусах машиностроительных предприятий».

Струйки воды беззвучно падали изо рта чугунных лягушек в восьмиугольную чашу фонтана» (с. 7, 8).

Даже обычное для екатеринбургских текстов упоминание связи с бывшей столицей в повести осуществляется через изображение Горнозаводска как северного города с белыми ночами, ничем, как могут догадаться читатели, не уступающими петербургским: «...он распахнул боковое окно... Тотчас же все преобразилось, все наполнил тончайший свет — и синий, и чуть

желтоватый, и точно розовый. <...> Ни один пурпурный, вишневый, красный камень не мог бы послужить мерой для легкого, живого света, разлившегося между небом и землей...» (с. 16).

Мирная жизнь горожан не делает их обывателями: труд и отдых для них связаны. Так, в мезонин художника камнерезного и гранильного дела Семухина «иной раз поднимались большие ученые и почтительно толковали со стариком о причудах самоцветов. Покряхтывая, взбирались на верхотурку друзья..., знатные гранильщики, пошуметь за рюмкой водки об уральской и екатеринбургской грани. Наведывались сюда с таинственным видом искатели камня — горщики, показывали удивительные находки» (с. 14). И сам Семухин («шеф школьного минералогического кружка, каких много в Горнозаводске»), и его гости, и другие жители Свердловска живут вольной жизнью увлеченных своим делом людей.

Несмотря на заказной характер юбилейных текстов второй половины 1940-х гг., которые к тому же сегодня могут показаться (и, честно говоря, являются) избыточно аффективными и оттого простодушными, авторы их включились в процесс символизации и территории, и своего времени. Авторы книг о Свердловске смотрят на него с разных точек зрения, но все

они подчеркивают, что город, постоянно развиваясь, остается хранителем культурной и исторической памяти живших в нем людей, что прошлое никуда не исчезает, а постоянно проявляет себя в трансформирующейся повседневности. По их мнению, горожане нуждаются в наблюдении за городом, размышлении над его особенностями, в том числе невидимыми посторонними. Авторы, предлагая уставшим от войны жителям Свердловска коллективное толкование прошлого и современного состояния городской жизни, хотят сделать его умопостигаемым, адаптировать его под требования литературных руководителей и в то же время закрепить мнение горожан.

Традиционное для изображения Екатеринбурга / Свердловска расщепление образа города на приподнятый и сниженный, фельетонный снимается. Свердловск наделяется не только почетными и торжественными званиями города-узла, города-завода, города-войны, города мастеров, но и любимого красивого города, интересного и по-своему удобного для жизни.¹⁹ С одной стороны, в этом можно увидеть признаки поддерживаемой государством «бесконфликтности», с другой — связать героическую ипостась городской истории с повседневной жизнью горожан, что и в дальнейшем должно помогать горожанам испытывать самоуважение.

Maria A. Litovskaya

Doctor of Philological Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS;
Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: marialiter@gmail.com

Yulia S. Nekrasova

Senior teacher, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: yulia92229444@mail.ru

**“MY GREAT-GRANDFATHER WOULD NOT HAVE RECOGNIZED HIS CITY”:
THE IMAGE OF EKATERINBURG / SVERDLOVSK IN THE LITERATURE
OF THE URALS IN THE SECOND HALF OF THE 1940S**

The paper considers the image of Ekaterinburg / Sverdlovsk in the 1940s Urals literature. It analyzes the content of the literary and artistic almanac “The Ural Contemporary” (1949), dedicated to the anniversary of Sverdlovsk, the novel by I. I. Likstanov “Green Stone” (1949), poems by E. E. Khorinskaya and others. The characteristic features of the image of the “capital of the Urals” in literature for adults and children are highlighted. The changes that have occurred in depicting of Sverdlovsk in comparison with the previous periods are noted. With a limited list of depicted urban loci, constant mention in various texts of the same key figures and events of urban history in the post-war period, the emphasis is shifted to the image of Ekaterinburg / Sverdlovsk as a city not only

¹⁹ Подобная тенденция наблюдается и в изобразительном искусстве (см.: Екатеринбург глазами художника. Екатеринбург, 2005).

with a rich history, but also with a heterogeneous, complex socio-cultural environment. Based on the literary analysis the authors conclude that, although the portrayal of Ekaterinburg / Sverdlovsk saved previously formed images of the city-worker, factory-city, the center of economic life of the mining region, special attention in the second half of the 1940s is beginning to give to the beauty to the urban landscape, the convenience of urban living, the dynamics of urban development. The action in the texts is carried out from apartments and factory shops to the streets, the characters are depicted not only in situations of heroic work and everyday survival, but as ordinary citizens, even idle flankers who notice the quality of their place of residence. It is concluded that such a significant change in the image of Ekaterinburg / Sverdlovsk is associated, on the one hand, with changes in notion of the previous stages of the history of the city, on the other hand, with the desire of the Sverdlovsk Writers' Organization to prove its self-sufficiency.

Keywords: *literature of the Urals, image of the city in literature, almanac "The Ural Contemporary", P. P. Bazhov, I. I. Likstanov*

REFERENCES

- Blazhes V. [Poetic journalism by Elena Khorinskaya]. *Ural* [Ural], 2009, no. 1, pp. 228–236. (in Russ.).
- Klochkova Yu. V. [Sverdlovsk's literary image of in the works of the war years]. *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'* [Literature of the Urals: history and modernity]. Ekaterinburg: UrO RAN; Ob'yedinenny muzey pisateley Urala; AMB Publ., 2006, pp. 128–135. (in Russ.).
- Podlubnova Yu. [Pasternak: The Sverdlovsk Episode]. *Prolog: internet zhurnal* [Prologue: the Internet magazine]. Available at: <http://www.ijp.ru/text/1344> (accessed: 08.12.2020). (in Russ.).